

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-2-31

УДК 398

**СОВРЕМЕННЫЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СВАДЕБНОЙ ТРАДИЦИИ УДМУРТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОЖГИНСКОГО
И КИЯСОВСКОГО РАЙОНОВ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Окунева Т.В., Пчеловодова И.В.

Статья посвящена исследованию свадебной обрядности удмуртов на основе современных полевых исследований, проведенных авторами статьи в Можгинском и Киясовском районах Удмуртской Республики в 2013 г. Проанализированный материал показал достаточно хорошую сохранность свадебного обряда наряду с происходящими изменениями. Более того, в ходе экспедиционной работы были выявлены новые термины, обозначающие специальные чины и обряды, не зафиксированные ранее. Подобные находки раскрывают специфику и значимость исследования локальных традиций как для удмуртской фольклористики в частности, так и для отечественной науки в целом.

Ключевые слова: удмуртская свадьба; современные полевые исследования; термин; локальные традиции.

**MODERN FIELD STUDIES OF THE UDMURT WEDDING TRADITIONS
(ON MATERIALS OF MOZHGINSKY AND KIYASOVSKY REGIONS
OF THE UDMURT REPUBLIC)**

Okuneva T.V., Pchelovodova I.V.

The article is devoted to the investigation of the Udmurt wedding ceremony on the basis of modern field expeditions held by the authors of the article in Mozhginsky and Kiyasovsky regions in 2013. The analyzed material revealed quite good preservation of the wedding ceremony along with the changes. Moreover, during the field research new terms denoting special wedding ranks and rites were discovered. Such findings reveal the specificity and significance of studying local traditions as for the Udmurt folklore studies in particular, and Russian science in general.

Keywords: Udmurt wedding; modern field research; the term; local traditions.

Изучение свадебного обряда остается одним из важных направлений современной фольклористики. Интерес к теме обусловлен важнейшей ролью данного ритуала в жизненном цикле человека, принадлежностью к архаическому пласту этнической культуры.

Удмуртская свадьба стала объектом научного исследования с конца XVIII в. С этого периода свадьба изучалась с точки зрения как отдельных наук (язык, фольклор, этнология, история), так и отдельных направлений и школ (этнолингвистики, этнодиалектологии, лингвокультурологии). Несмотря на обширный опубликованный материал [2; 3; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14], актуальной остается проблема исследования локальных традиций. Особое внимание необходимо уделить микролокальным традициям, поскольку свадьбы соседних деревень могут иметь существенные различия. При этом описания обряда одного селения недостаточно для характеристики свадьбы не только одного района, но даже куста деревень.

Кроме архивных и опубликованных источников важную роль в исследованиях свадебной обрядности удмуртов играют полевые материалы. Фольклорно-этнографический материал, собранный во время последних экспедиций, представляет уникальные образцы традиционного фольклора, показывающие изменения в свадебном ритуале как в вертикальном, так и горизонтальном срезе.

Данная статья основана на экспедиционных материалах 2013 г. в Можгинский (с. Большая Уча, дд. Пазял-Зюмья, Камышлы, Ломеслуд, Пазял) и Киясовский районы (дд. Старая Салья, Нижняя Малая Салья, Кады-Салья, Калашур, Карамас-Пельга) Удмуртской Республики. Основная цель полевой работы заключалась в фиксации степени сохранности свадебной традиции среди местного населения, изучении локальной специфики, определении механизмов сохранения или исчезновения элементов ритуала, выявлении новой терминологии.

Последовательность основных этапов, характерная для общеудмуртского свадебного ритуала, свойственна и структурным элементам свадьбы исследуемых деревень: предсвадебная, свадебная и послесвадебная обрядность.

Знакомство молодых людей происходило во время молодежных посиделок «пинал куно» (букв. «молодой гость/гостья», к которым готовились заранее (Можгинский район). Данный термин в таком же контексте зафиксирован нами лишь в работе М. Г. Атаманова «Песни и сказки ушедших эпох» [1, с. 111]. Для проведения посиделок приглашали молодежь из соседних деревень: «*Ми доры ветло вал соос. Сизьым иськеме. Пукны. Тинь озьы*» (букв. «К нам они приходили. За семь километров. Посидеть. Вот так») (с. Большая Уча, Можгинский район); «*Пинал кунээн татын юо вал. Ми тожо Пазяла но ветлим, сое татын Ломеслудъёсын но юизы, Пазялъёсын. Тинь отын но тодмасъкисез вал*» (букв. «Молодежные посиделки здесь

проводили. Мы тоже в Пазял ходили, а здесь их с ломеслудскими проводили, с пазялскими. Вот там и познакомились») (д. Камышлы, Можгинский район). Во время посиделок проводились игры, звучали песни под гармошку, балалайку, гитару.

Сватать невесту ездили четыре-пять человек. Чаще всего брат жениха с женой, или старшая сестра, крестные родители (с. Большая Уча, Можгинский район).

В первую очередь сваты заходили в дом соседей, чтобы узнать о невесте: «*Уд тодке кинлэн ке, пе, ветылэз вузаны*» (букв. «Не знаете ли, у кого есть телочка на продажу»). Соседи отвечают: «*Да, вань возамы. Со пала но, та пала но, кудиз-о кельшоз шуо вал. Сэре вераса лэзё вал озыы*» (букв. «Да, есть рядом. И в этой стороне, и в той, которая уж понравится, говорили. Так ответив, отправляли [сватов]») (с. Большая Уча, Можгинский район).

Собственно свадьба проходила в два этапа и длилась около недели: «*Азьло куиньмой эмести дорын вылэм сюан, куиньмой ныл дорын вылэм. Быдэс арня вылэм сюан*» (букв. «Раньше в доме жениха свадьба проходила три дня, и три дня в доме невесты. Всю неделю справляли свадьбу») (д. Карамас-Пельга, Киясовский район).

На каждой свадебной церемонии присутствовали главные распорядители «*тэр*» (букв. «почетное выборное лицо») (д. Карамас-Пельга, Киясовский район). Чаще всего данный чин присуждали крестным родителям жениха и невесты. Они были самыми уважаемыми и почитаемыми гостями. Во время праздника их возили из дома в дом на маленьких тележках летом и на санках зимой. «*Тэр*» всегда усаживали за стол первыми на заранее приготовленные подушки. «*Тэр*» давал зачин свадебному напеву: «*Тэртэк али кырзан но уг кусько вал. Первой тэрез ваё вал али. Гур сураса кылле вал али. Тор ке гур сетэ, сокы куске вал уни сюан гур*» (букв. «Без распорядителя петь не начинали. Сначала его привозили. Он пел разные мелодии. Когда распорядитель задавал нужную мелодию, тогда начинали петь свадебный напев») (д. Карамас-Пельга, Киясовский район).

Во время экспедиции впервые были зафиксированы новые термины, обозначающие специальные чины: «*урысчи*», «*сандык возьмасьёс*».

В обязанности свадебного чина «*урысчи*» (букв. «человек с плеткой») входило следить за активным участием в происходящих событиях всех присутствующих. Если кто-то отвлекался, то «*урысчи*» ударял его перекрученным полотенцем по спине (д. Карамас-Пельга, Киясовский район).

Сундук невесты охраняли специальные чины – «*сандык возьмасьёс*» (букв. «охраняющие сундук»), которые требовали деньги во время выкупа сундука. Родственники жениха всячески

пытались его отобрать: «Сандклы возмаськон дырья аляк но потэ вал» (букв. «Во время борьбы за сундук сильно шумели») (д. Карамас-Пельга, Киясовский район).

На следующее утро после увоза невесты в дом жениха проводился осмотр приданого – «пирдан учкон» (букв. «осмотр приданого»). Невеста развешивала на специально приготовленные жерди рукодельные изделия: одежду, вышитые полотенца, вязанные и тканые вещи (д. Карамас-Пельга, Киясовский район).

Особый интерес вызывает обряд «кышет сётъян» (букв. «раздавать платки»), который заключается в том, что невеста раздавала свои платки всем незамужним девушкам, пришедшим на свадьбу. Через некоторое время они возвращали платки со словами: «Тани кенаклэсь кышетсэ берыктисько» (букв. «Вот возвращаю платок невестки») (д. Карамас-Пельга, Киясовский район). При этом дарили ей подарок.

Во всех локальных традициях встречается обряд символических испытаний для невесты и жениха, проводимый на второй день свадьбы. Это один из немногих обрядов, активно функционирующих в настоящее время. Проверка невесты заключается в трех основных заданиях.

Первое – «табань пыжон» (букв. «печь табани») – она должна испечь лепёшки из кислого теста, чему всячески препятствуют родственники жениха. В прошлом их поведение было более активным: закрывали печную трубу, бросали зерно в тесто, вымазывали друг друга и т.п. При этом информанты в д. Карамас-Пельга Киясовского района отмечают, что данный обряд был заимствован у русских: «Со асьмелэн азьло йылол ой вал. Со зучьеслэн» (букв. «Такого обряда у нас раньше не было. Это русский [обряд]»).

Второе испытание невесты заключается в подметании пола «пол чужон» (букв. «подметать пол»). Невеста должна отделить солому от денег, которые разбрасывают в доме родственники жениха. Жених помогает невесте собирать деньги.

Третье испытание – хождение невесты за водой «ву ваён» (букв. «приносить воду»). Она должна была донести воду от реки или родника до дома, не расплескав её. В современной традиции за водой могут пойти до ближайшей колонки. Считается хорошим знаком, если невесте это удастся, так как выполнению испытания всячески мешают родственники жениха. Невесте приходилось несколько раз набирать воду. Часто церемония сопровождалась ряженьем, во время которого мужчины наряжались в женскую одежду, женщины – в мужскую. Среди ряженных могли присутствовать образы медведя, солдата, цыганки. Действие переодевания связано с изменением привычного мира, его целостности и упорядоченности в период свадебного обряда, чтобы через существа иного мира, травестизм вернуться обновленными и гармоничными [5, с. 5].

Испытание жениха заключалось в том, чтобы зубами выдернуть из чурки заранее вбитые монеты: «*A со молотэн кокамын, пичи гинэ адзиське со уксызы*» (букв. «А они вбиты молотком, едва видны эти монеты») (Можгинский, Киясовский районы).

Цикл свадебного действия завершали послесвадебные обряды, которые заключались в закреплении новых родственных отношений. Этот период мог длиться в течение года.

На следующий день после свадебного пира молодые отправлялись в дом родителей невесты. Они так же могли посетить тех родственников, к которым не успели зайти в первый день свадьбы.

Впервые нами был зафиксирован обряд «*тусьты-пуньы миськон*» (букв. «мытьё посуды») (д. Карамас-Пельга, Киясовский район). Он заключается в том, что свадебных гостей через какое-то время вновь приглашают мыть посуду, объясняя это следующими словами: «*Ти сиыды-юиды, кошкиды ми дорысь но всё мялям тусьты-пуньы кылле ук со*» (букв. «Вы поели-попили, ушли от нас, а у нас лежит немытой эта посуда»). Перед приходом гостей посуду специально разбрасывают и не угощают вином, пока они не помоют посуду. Старались приглашать тех людей, которые по каким-либо причинам не присутствовали на свадебном пире.

Интересно, что термин «*тусьты-пуньы миськон толэзь*» (букв. «месяц очищения посуды») отмечен исследователями Т.Г. Владыкиной и Г.А. Глухой в трех значениях:

1. Лунная фаза в период убывания и зарождения нового месяца.
2. Период с конца февраля до начала марта, время Масленицы.
3. День очищения посуды [связанный с фазой луны] – первый день проводов Масленицы [4, с. 133].

Все три значения связаны с переходным состоянием, изменением, обновлением.

Возможно обряд «*тусьты-пуньы миськон*» воплощает процесс закрепления знакомства невесты с родственниками как участвовавшими, так и не присутствующими на самой свадьбе, а так же утверждение мифологической идеи смерти=возрождения невесты в новом качестве через «водные процедуры».

Эта же идея прослеживается в обряде купания молодежи «*кен пылатон*» (букв. «купание невесты»), когда через символические действия с водой (окропление/обрызгивание) в первый день сенокоса завершается период переходного статуса невесты, она становится полноправным членом новой семьи [3, с. 118]. Водой обрызгивали не только невесту, но и всех присутствующих.

После свадьбы в течение года в качестве приданого родители невесты дарили молодым домашних животных (овцу, телку, жеребца) и птиц (утку, гуся).

Таким образом, на основании полевых исследований в Можгинском и Киясовском районах можно говорить о достаточно высокой степени сохранности свадебного обряда. Свадьба исследованной территории по своей структуре базируется на традиционной основе: однотипны основные этапы обряда, последовательность их проведения. Безусловно, наряду с сохранением традиций фиксируются изменения. Не всегда сохраняется семантика тех или иных обрядовых действий, приобретающих не сакральное, а бытовое объяснение (в частности, ряженье). Однако самобытность ритуала складывается из микролокальных элементов (обряд, терминология, образ), которые не только существуют в памяти информантов, но и активно функционируют в современной традиции.

Проведенное исследование свадебной обрядности отдельных деревень Можгинского и Киясовского районов УР должно явиться основой для дальнейших изысканий и шагом к началу системного изучения сценария свадебного ритуала через призму его локальных традиций.

Список литературы

1. Атаманов М.Г. Песни и сказы ушедших эпох. – Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.
2. Бойкова Е.Б., Владыкина, Т.Г. Песни южных удмуртов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. Вып. 1. 192 с. (Удмуртский фольклор).
3. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 356 с.
4. Владыкина Т.Г., Глухова Г.А. Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. – Ижевск, 2011. 320 с. (Удмуртская обрядовая азбука).
5. Глухова Г.А. Символика ряженья в традиционной культуре удмуртов: дисс. канд. филол. наук; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2002. 185 с.
6. Нуриева И.М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: проблемы культурного контекста и традиционного мышления. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. 272 с.
7. Нуриева И.М. Песни завятских удмуртов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. Вып. 2. 332 с. (Удмуртский фольклор).
8. Окунева Т.В. Удмуртская свадьба: традиции и инновации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 130-133.

9. Пчеловодова И.В. Удмуртская песенная лирика: от мотива к сюжету. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. 164 с.
10. Слесарева М.Т. Метафорическая образность свадебной поэзии восточных финно-угров // Вопросы истории и поэтики удмуртской литературы и фольклора. – Ижевск, 1984. С. 100-112.
11. Христолюбова Л.С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). – Ижевск: Удмуртия, 1984. 128 с.
12. Христолюбова Л.С., Миннихметова Т.Г., Тимирзянова Р.Г. Свадебные обряды удмуртов Башкирии // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. – Ижевск: УИИ-ЯЛ УрО РАН, 1989. С. 85-103.
13. Чуракова Р.А. Удмуртские свадебные песни. – Устинов: Удмуртия, 1986. 148 с.
14. Чуракова Р.А. Песни южных удмуртов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. 160 с. (Удмуртский фольклор).

References

1. Atamanov M.G. Pesni i skazy uzhedshih epoh [Songs and tales of bygone eras]. – Izhevsk: Udmurtia, 2005. 248 p.
2. Boykova E.B., Vladykina T.G. Pesni yuzhnyh udmurtov [Songs of southern Udmurts]. – Izhevsk: UIHLL UB RAS, 1992. 192 p.
3. Vladykina T.G. Udmurtsky folklor: problemy zhanrovoy evolyucii i systematiki [The Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematization]. – Izhevsk: UIHLL UB RAS, 1997. 356 p.
4. Vladykina T.G., Glukhova G.A. Ar-god-bergan: obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya [Year circulation: Rites and celebrations of the Udmurt calendar]. – Izhevsk, 2011. 320 p.
5. Glukhova G.A. Simvolika ryazheniya v traditsionnoy culture udmurtov: diss.. kand. filol nauk. [Symbolics of dressing up in the traditional culture of the Udmurts: dissertation]. – Izhevsk, 2002. 185 p.
6. Nurieva I.M. Muzyka v obryadovoy culture zavyatskih udmurtov: problema kulturnogo konteksta i tradicionnogo myshlneya [Music in ritual culture of Zavyatsky Udmurts: problem of cultural context and traditional mentality]. – Izhevsk: UIHLL UB RAS, 1999. 272 p.

7. Nurieva I. M. Pesni zavyatskih udmurtov [Songs of Zavyatsky Udmurts]. – Izhevsk: UIHLL UB RAS, 2004. 332 p.
8. Okuneva T.V. Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye, yuridicheskoye nauki, kulturologiya i iskustvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. [Historical, philosophical political and juridical sciences, cultural and art studies. Issues of theory and practice]. – Tambov, 2012. Pp. 130-133.
9. Pchelovodova I.V. Udmurtskaya pesennaya lirika: ot motiva k syuzhetu [The Udmurt song lyrics: from motive to plot]. – Izhevsk: UIHLL UB RAS, 2013. 164 p.
10. Slesareva M.T. Voprosy istorii i poetiki udmurtskoy literatury i folklorа [Issues of history and poetics of the Udmurt literature and folklore]. – Izhevsk, 1984. Pp. 100-112.
11. Christolyubova L.S. Semeynye obryady udmurtov (tradicii i processy obnovleniya) [Family rites of the Udmurts (traditions and processes of renovation)]. – Izhevsk, 1984. 128 p.
12. Christolyubova L.S., Minniyakhmetova T.G., Timirzyanova R.G. Folklor i etnografiya udmurtov: obryady, obychay, poverya [Folklore and ethnography of the Udmurts: rites, customs, legends]. – Izhevsk: UIHLL UB RAS, 1989. Pp. 85-103.
13. Churakova R.A. Udmurtskiye svadebnyye pesni [The Udmurt wedding songs]. – Ustinov: Udmurta, 1986. 148 p.
14. Churakova R. A. Pesni yuzhnyh udmurtov [Songs of southern Udmurts]. – Izhevsk: UIHLL UB RAS, 1999. 160 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Окунева Татьяна Васильевна, младший научный сотрудник отдела филологических исследований, к. филол. н.

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
ул. Ломоносова, 4, г. Ижевск, 426004, Россия
oktan85@mail.ru*

Пчеловодова Ирина Вячеславовна, Научный сотрудник отдела филологических исследований, к. филол. н.

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
ул. Ломоносова, 4, г. Ижевск, 426004, Россия
orimush@mail.ru*

DATA ABOUT AUTHORS

Okuneva Tatiana Vasilyevna, Junior Researcher, Department of Philology, Candidate of Philological Sciences

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

4, Lomonosov St., Izhevsk, 426004, Russia

oktan85@mail.ru

Pchelovodova Irina Vyacheslavovna, Research fellow, Department of Philology, Candidate of Philological Sciences

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

4, Lomonosov St., Izhevsk, 426004, Russia

orimush@mail.ru